

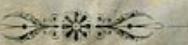
89174

K-134

✓

ВОСПОМИНАНІЯ

ОБЪ А. А. КОТЛЯРЕВСКОМЪ.

Алексія Веселовского.

894

6.2.0.

Оттискъ изъ „Кіевской Старины.“

лосъ, о
съ па
дежд
чъ

КІЕВЪ.

Фотографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайлівська ул., дому № 4.

1888.

карак-
наименіе

1

В

122389

№

1/4

ФОТОГРАФІЧНИЙ
МАГАЗИН

Въ вышедшихъ 1—9 книжкахъ „Кievской Старины“ 1888 года
помѣщены слѣдующія статьи: Кіевъ въ 1766 г. И. В. Луцицнаго.—
Грановщина. Эпизодъ изъ исторіи брацл. Украины. В. Б. Антоновича.—
Ганна Монтовтъ. Истор.-бытов. очеркъ изъ жизни волынск. дворян-
ства. О. И. Левицнаго.—Очеркъ литературной исторіи малорусск.
нарфчія въ XVII в. П. И. Житецнаго.—На рубежѣ. Романъ Равиты.
Пер. съ пол. К. М.—Протестъ слободской Украины противъ реформы
1765 г. И. В. Теличенка.—Къ литературѣ рождественскихъ и пас-
хальныхъ виршъ. В. П. Науменка.—Къ исторіи колонизаціи слобод-
ской Украины. Н. И. Петрова.—Экономическая замѣтки и материалы.
І. Рудни въ Сѣверщинѣ. П. С. Ефименка.—Нелишнее слово о вир-
шахъ. Михайлорскаго.—Алексѣй Алексѣевичъ Черовскій. В. П. Гор-
ленка.—Нѣжинская рада 1663 г. А. А. Востокова —Послѣдніе годы
самоуправленія Кіева по магдебург. праву. И. М. Каманина.—Сочи-
ненія П. П. Артемовскаго-Гулака. А. А. Потебні.—Историч. очеркъ
попытокъ католиковъ ввести въ южн. и зап. Россію Григоріанскій
календарь. Н. Ф. Сумцова.—Въ какомъ видѣ могутъ быть изображены
св. равноап. князь Владимиrъ и св. княг. Ольга и имѣемъ ли мы
подлинныя ихъ изображенія. П. Л.—О началѣ христіанства въ Кіевѣ
до торжеств. принятія христіанск. вѣры при св. Владимиrѣ. П. Л.—
Леонардъ Совинскій. А. В. С.

Ганны Барви

А. В. Рома

Херсонесъ

скаго.—Б

ницкій. I

эпоху Б.

предм. ве-

св. Влади

музея. Н. I

Памятникъ

Порченая

Галиції. И.

Воспоминал

кодификаці

Ів. Теличен

членъ Рады

Въ отд

Багалъя, П.

нина, П. К-

чацовскаго,

Русова, Н. С.

Въ отд

щенія: В. Б

Владимірскаг

никова, А. И

Комарова, И.

торадовича,

Н. М., Ф. М.,

Д. И. Петровскаго,

Н. Петрова, І. В.

Сумцова, Сѣверянина,

І. В. Теличенка,

В. Н. Ящуржинскаго,

В. Ч. Х. П. Ящуржинскаго.

І. ОР

ВОЛКА

І. Манжуры,

Графа А.

92
K

891.7у!
К. К34

24 ФЕВРЯЛЯ

8У
К73В

ВОСПОМИНАНИЯ ОБЪ А. А. КОТЛЯРЕВСКОМЪ.

Семь лѣтъ тому назадъ, въ пасмурный осенний день, на кладбищѣ Покровскаго монастыря въ Москвѣ, среди могиль имѣнитаго купечества происходили небывалыя на этой окраинѣ столицы „литературныя похороны“. Измученный болѣзнью, утомленный жизнью, полною разочарованій, Котляревскій нашелъ здѣсь послѣдній пріютъ.

Проводы были сердечныя и грустныя. Но горе провожавшихъ было не одинаково. Молодежь, наполнившая церковь, знала почтеннаго по ученымъ трудамъ его послѣдняго періода; киевская депутація, чествовавшая его отъ лица своего университета, находилась подъ живымъ впечатлѣніемъ недавней профессорской дѣятельности, умершаго собрата; на сердцѣ же московскихъ его друзей было вдвойнѣ тяжело. Въ то время, какъ быстро густѣвшій слой земли навсегда скрывалъ его отъ нихъ, имъ вспоминалась его молодость, блестящее вступленіе въ жизнь, неотразимое обаяніе таланта, потомъ невзгоды, долгій искусь, запоздалое благополучіе,—и печальная развязка.

Прошли годы; первое впечатлѣніе утраты должно бы, казалось, ослабѣть. Но и теперь для близко знавшихъ Котляревскаго съ памятью о немъ неразлучно представление о разбитыхъ надеждахъ и неудавшейся враговъ. Повидимому и для него настаетъ часъ безпристрастнаго редактора, редактирующаго русской науки уже заносить въ свои обзоры имя автора „Погребальщика“, обычаетъ; быть можетъ, вскорѣ біографъ возсоздастъ его жизнь и характеръ. Нѣсколько воспоминаний одного изъ свидѣтелей наименѣе

VX

1

известного раннаго періода этой жизни, того періода, когда всего сильнѣе оттѣнялась борьба свѣта и тьмы, всего рѣзче сталкивались надежды и желѣзная дѣйствительность, и мимолетныя *tempi felici* смыкались долгими сѣтованіями о нихъ,— нѣсколько такихъ воспоминаній, быть можетъ, кому нибудь пригодятся.

Съ середины пятидесятыхъ годовъ въ студенческихъ кружкахъ Москвы стала замѣтно выдвигаться необыкновенно своеобразная личность; и по типу, и по говору это былъ кровный малороссъ; жизнь била въ немъ ключемъ, въ умныхъ глазахъ сверкалъ огонь, рѣчь поражала остроуміемъ; подвижный до нельзя, главный зачинщикъ серьозныхъ споровъ и самыхъ потѣшныхъ шалостей, онъ въ то же время удивлялъ всѣхъ своимъ страстнымъ увлеченіемъ наукой. Въ его скромной студенческой комнатѣ на самой высотѣ одного изъ старыхъ домовъ Арбатской площади понемногу скоплялась рѣдкая для студента библиотека, главное его сокровище,—и среди иныхъ товарищѣ она вызывала къ нему какое-то особое, почтв пугливое, уваженіе. Въ иные минуты онъ могъ казаться въ кельѣ своей, среди книгъ, средневѣковымъ мудрецомъ,—а потомъ, спустившись на землю и замѣшившись въ толпу, молодой отшельникъ становился веселымъ собесѣдникомъ, мѣтко и живо судиль о злобѣ дня и всей душою сочувствовалъ возрождавшемуся общественному движенію. Вмѣстѣ съ своими сверстниками онъ переживалъ одинъ изъ отраднѣйшихъ моментовъ новой русской исторіи, всеобщее пробужденіе послѣ долгой летаргіи; приливъ силъ, жажда жизни проникали всюду, и не было, кажется, отъявленнѣйшаго буквоІда, пелюдима или брюзги, котораго не потянуло бы на вольный воздухъ. Для такой же натуры, какая съ блестящей оригинальностью проявлялась у студента — украинца, то была самая желанная, идеальная обстановка; движеніе, борьба, ломка отжившаго были для него необходимы, полны особой притягательности. Какъ бы ни судили о немъ люди, знаяше его въ ~~Ман~~ годы, утомленнаго, уходившагося, въ немъ несомнѣнно были скрыты богатые задатки общественнаго дѣятеля, публициста, вліятельнаго и руководящаго критика.

Несколько такихъ личностей знала тогда Москва, несолько кружковъ группировало ихъ единомышленниковъ. Здѣсь горячо обсуждались насущные русскіе вопросы, сюда проникали новыя соціальная и философская ученія запада; при посредствѣ некоторыхъ лицъ, имѣвшихъ связи съ петербургскими кружками (напр. М. Свириденка), устанавливалось единомысліе съ тѣмъ, что проповѣдовала тогдашняя передовая журналистика. Нетерпѣливо рвалась на волю эта молодежь, въ ожиданіи очереди действовать; она не давала спуску тѣмъ, въ комъ видѣла оплотъ старого порядка, и тѣмъ идеямъ и произведеніямъ, которыхъ пытались задержать поступательное движение. Въ такие періоды броженія важнымъ орудіемъ борбы является смѣхъ, доводящій противника до абсурда; вспомните его значеніе въ началѣ англійскаго просвѣтительнаго вѣка или въ вольтеровской школѣ. То же было и у насъ. Съ порою „гласности“ совпало необыкновенное развитіе сатиры, обличенія; сарказмъ Добролюбова жегъ и ранилъ не менѣе, чѣмъ серьозныя и глубокія его статьи. Такое же царство смѣха охватило и молодые московскіе кружки; Котляревскій шелъ и тутъ впереди. Если даже впослѣдствіи, среди страданій, его никогда не оставлялъ юморъ, легко представить себѣ, какъ неистощима была эта сторона его таланта въ молодые годы. Способность налету схватить слабость или недостатокъ противника и воспроизвести ихъ въ мѣткомъ разсказѣ, такъ и просившемся въ печать, умѣніе дать человѣку одно изъ тѣхъ прозвищъ, который какъ клеймо никогда не разстанется потомъ съ нимъ, изобрѣтательность въ пародіи, неожиданныхъ сравненіяхъ, шаловливое обращеніе къ помощи церковно-славянской торжественности или народной бойкости рѣчи,—все это обличало въ немъ юмористический талантъ первой величины, кое-гдѣ сквозящій въ его произведеніяхъ (напр. въ *Старинѣ и народности*, въ *Библіологии*), но, къ сожалѣнію, не развившійся до художественности. И не мало враговъ создалъ онъ ему въ теченіи жизни; остроты передавались, разносились, слагали репутацію безсердечнаго и на все раздраженнаго человѣка; осторожности въ этомъ отношеніи онъ не зналъ никогда, съ увлеченіемъ отдаваясь сатирическому задору. Мало кто давалъ себѣ трудъ загля-

нуть въ глубь этой натуры и увидѣть, сколько глубокихъ думъ и благородной серьозности скрывало за собой неизысканное остроуміе обличителя.

Эта чуткость и отзывчивость, не дававшая интересамъ съузиться, напротивъ, приводившая человѣка въ соприкосновеніе со всѣмъ, что было живаго вокругъ него, наложила свой отпечатокъ и на любимый предметъ занятій студента; онъ не былъ способенъ топтаться на одномъ мѣстѣ, воздѣлывать крошечный уголокъ поля и воображать при этомъ, что виѣ подобнаго труда нѣтъ спасенія; онъ рано умѣлъ соединять основательное изученіе отдѣльного вопроса съ обобщеніями, широкіе горизонты ма-нили его, и въ мысли, что онъ хоть сколько нибудь участвуетъ въ прогрессѣ науки, была всегда для него какая то почти поэтическая прелестъ. Такъ отнесся онъ еще въ университетѣ къ вопросу о народности и старинѣ. Совершенно чуждый славяно-фильскимъ восторгамъ, для оценки которыхъ онъ не жалѣлъ острого словца, онъ страстно увлекся невѣдомымъ и чарующимъ міромъ. То была вообще пора примѣчательного раз-ѣта разнородныхъ изученій прошлаго, счастливо совпадавшая съ новою эрой; близились къ концу собраніе пѣсенъ Кирѣевскаго и словарь Даля; сказки Аѳанасьевы, какъ нѣкогда сборникъ Перро во Франції, одерживали побѣду надъ вкусами непосвященной публики; выходили на путь собиранія народныхъ памятниковъ новые дѣятели, Рыбниковъ, Якушкинъ; журналы давали наряду съ статьями, подготовлявшими близкое уже крестьянское освобожденіе, ученые работы о народной старинѣ, подписанные именами Буслаева, Аѳанасьевы, Пышина, и читавшіяся всѣми; наконецъ, въ 1857 г. сдѣлалось возможнымъ изданіе специального журнала по литературной старинѣ (*Лѣтописи Тихѣравова*). Москва была въ то время главнымъ центромъ этого движенія, дѣятели кото-раго, за немногими исключеніями, группировались около ея университета, испытывая сильное вліяніе Буслаева, чьи курсы древней русской словесности являлись для нихъ откровеніемъ. Тамъ, гдѣ еще держались допотопная воззрѣнія на народныя вѣрованія, на богатырство, самобытное эпическое творчество и старую культуру, водворялся подъ воздействиемъ теорій Гrimmовъ и

позднейшей школы научный методъ; неожиданныя сличенія проливали новый свѣтъ на загадочные вопросы; сравнительное языкоизнаніе, факты всеобщей литературы, археология, исторія искусства являлись на помощь историко-литературнымъ изслѣдованіямъ; все оживало, и изъ хаоса выступали осознательные, стройные образы. Молодежь видѣла, что передъ нею открывается непочатый край работы, и тѣмъ увлеченнѣе устремлялась въ слѣдъ учителю. Никогда не забудется заслуга О. И. Буслаева, этого родоначальника и вдохновителя всѣхъ дѣйствующихъ изслѣдователей русской народной старины.

Котляревскій сталъ однимъ изъ ревностнѣйшихъ его учениковъ. Если проповѣдь гуманности въ устахъ Кудрявцева привлекала его, если сердечно любимая имъ эпическая личность Бодянского связывала его съ родиной и манила общеславянскими симпатіями, то еще сильнѣе овладѣлъ имъ интересъ къ той отрасли знаній, въ которой добытые уже Буслаевымъ результаты возбуждали къ соревнованію. Еще не кончилось его студенчество, а уже онъ могъ считать себя специалистомъ въ ней; оттого-то въ первыхъ же его печатныхъ работахъ такъ замѣтно обладаніе предметомъ и свободное пользованіе большими учеными арсеналомъ. Чѣмъ глубже уходилъ онъ въ эти работы, тѣмъ несомнѣнѣе становилось, что это будетъ неизмѣнно, безповоротною его страстью.

Такимъ онъ вступилъ въ настоящую жизнь и отдался разнообразнымъ влеченіямъ, которыхъ она съ каждымъ годомъ все сильнѣе вызывала въ молодомъ и хоть маломальски даровитомъ поколѣніи. Кружокъ его быстро сталъ расширяться, и изъ замкнутыхъ рамокъ студенчества переходилъ въ литературные, учёные, педагогические слои, и въ ту часть общества, которая въ ту пору считала гордостью участвовать въ новомъ движеніи. Въ этомъ кружкѣ сходились люди, со временемъ достигшіе большой известности, тогда же неопытные дебютанты, полные силъ и готовые къ борьбѣ. Журнальная и газетная дѣятельность, только что пробуждавшаяся, казалась многимъ изъ нихъ наиболѣе подходящею, по крайней мѣрѣ на первое время. Котляревскій нашелъ себѣ радушный пріютъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“,

въ то время издававшихся Вал. Коршемъ и М. Щепкинымъ; въ литературныхъ прибавленіяхъ къ этой газетѣ, производящихъ теперь добродушное впечатлѣніе своимъ скромнымъ видомъ узкаго листика средняго формата, появлялись сплошь и рядомъ талантливо написанныя статьи по научнымъ и даже общественнымъ вопросамъ, и велась довольно полная библіографія новостей; тамъ появились первенцы Котляревскаго (если не считать небольшой статьи въ Рус. Вѣстн. 1857 года), этюды о русскомъ богатырствѣ,—но тамъ же подъ псевдонимомъ печатались и бойкія, насмѣшилливыя замѣтки, дававшія просторъ его воинствующему юмору. Противъ Малаго театра тогда уже высилась огромная и неуклюжая масса, домъ Челышова или, по студенческому прозвищу, Челышин; четыре отдѣленія меблированныхъ комнатъ давали убѣжище цѣлой гурьбѣ интеллигентной и просто бездeneнной богемы. Въ Челышахъ перебывало, наряду съ Палашами (за Тверскимъ бульваромъ) и другими излюбленными стоянками молодежи, не мало нысходящихъ поколѣній студентовъ. Тамъ приходилось живать и Котляревскому и его товарищамъ. Такимъ образомъ возникъ собирательный псевдонимъ „Н. Челышевскій“, или кратко Н. Ч., подъ которымъ они поочередно скрывались въ своихъ нападкахъ на плохихъ авторовъ, претенціозныхъ ученихъ и въ особенности на тѣхъ, въ комъ чуяли глухую вражду къ новой наукѣ и прогрессу. Котляревскому случалось и впослѣдствии (въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ Корша) прибѣгать къ этому псевдониму для тѣхъ же цѣлей. Помню, что однажды, уже въ 70-хъ годахъ, мнѣ пришло на мысль воспользоваться этимъ фельетоннымъ забраломъ, зная, что оно собственно никому не принадлежитъ,—Котляревскаго заинтриговало и вмѣстѣ, казалось, опечалило это неожиданное возрожденіе старого псевдонима; онъ очевидно сросся въ его памяти съ невозвратимою свѣжестью молодости...

Но и журнальныя работы, представлявшія еще болѣе подходящую форму для заявленія его научныхъ миѣній, развивались все шире. Благодаря посредничеству П. Е. Басистова, бывшаго тогда чѣмъ-то въ родѣ агента редакціи Отечественныхъ Записокъ въ Москвѣ, Котляревскій вмѣстѣ съ вѣсколькими изъ

своихъ сверстниковъ по университету обезпечилъ себѣ участіе въ критическомъ отдѣлѣ журнала. Но этого сотрудничества въ иногороднемъ изданіи для нихъ было мало, и они страстно мечтали объ основаніи собственнаго органа. Вскорѣ и это имъ удалось.

Врядъ ли кто нибудь теперь знаетъ исторію этого молодаго и даровито веденаго журнала, который обреченъ былъ злую судбою прожить лишь „*ce que vivent les roses*“ . Звали его „Московское Обозрѣніе“, — титулъ, придуманный въ подражаніе англійскимъ *reviews* и прямо обличавшій намѣренія издателей; четыре раза въ годъ должны были выходить довольно объемистыя книжки журнала, гдѣ въ первомъ отдѣлѣ появлялись бы руководящія статьи научнаго содерянія, большіе критическіе этюды, обозрѣнія литературы по отдельнымъ вопросамъ, а затѣмъ велась бы полная библіографія, русская и иностранная. Изданія такого типа не существовало у насъ до той поры; даже впослѣдствіи тѣ журналы, которые сначала хотѣли обойтись безъ беллетристики (напр. Вѣстникъ Европы 1866—67 г.), принуждены были сдѣлать уступку установленвшемуся вкусу. Въ 1859 же году, когда группа молодежи затѣвала свой *Moscow Review*, почвы для него не было. Къ причинамъ неудачи нужно отнести также и курьозный выборъ издателя. Тѣ, кто видѣлъ внизу книжки подпись „издатель А. Лаксъ“, конечно, спрашивали себя, кто этотъ незнакомецъ и что за охота ему вспала выступать въ критической походѣ. Это же имя было единственнымъ открытымъ для читателя; по договору сотрудниковъ между собою, и опять по англійскому образцу, всѣ статьи должны были печататься безъ подписи. Такимъ образомъ представительство кружка принималъ на себя невѣдомый міру писатель; да онъ, кажется, и не писалъ ничего; впрочемъ, передъ самимъ началомъ изданія чуть ли не убѣдили его гдѣ-то напечатать за свою подпись, съ тѣмъ, чтобы можно было потомъ говорить объ издателѣ поваго Обозрѣнія, что это тотъ самый, который и т. д. На дѣлѣ же это былъ штабсъ-капитанъ въ кадетскомъ корпусѣ, занимавшій тамъ должность репетитора или учителя въ младшихъ классахъ, очень любезный, очень гостепріимный и — необычайно кро-

хотный. На его квартире сходились члены того кружка, где вращался Котляревский, сослуживец Лакса по учителству; тамъ обдумали планъ журнала, убѣдили хозяина принять на себя инициативу и рискнуть частью денегъ, принадлежавшихъ его племянцу, зажиточному недорослю, искавшему роли мецената. Но едва дѣло сладилось, и двѣ книжки журнала вышли, какъ издателемъ овладѣли тревога и сомнѣнія; ничего опаснаго тамъ не было высказано, но такъ еще близка была позади пора безгласности, что одного уже независимаго тона молодыхъ редакторовъ и новости научныхъ взглядовъ, прилагаемыхъ ими къ русской жизни и соціальнымъ вопросамъ, было достаточно, чтобы возбудить переполохъ. Подписчиковъ было мало, но съ выдержкою можно было бы воспитать публику, подходящую для такого изданія,—вдругъ издатель объявилъ, что устраняется отъ дѣла; денежный источникъ изсякъ, нервъ войны былъ подрѣзанъ, и все распалось. Двѣ книжки „Моск. Обозрѣнія“ составляютъ теперь библіографическую рѣдкость; исторія этого журнала поросла быльемъ, а недавно сопель со сцены и мимолетный его издатель; онъ вскорѣ перешелъ на службу по жандармскому вѣдомству, а умеръ томскимъ губернаторомъ.

Статья Котляревского объ Исторіи русской словесности Шевырева, составляющая одно изъ украшеній „Московскаго Обозрѣнія“, можетъ быть названа типомъ его молодой критической манеры; много знанія, самостоятельный взглядъ, страсть изложения и повидимому невольныя юмористическія выходки. Его самого занимало обставить свой патискъ нѣкоторою загадочностью: подъ статьею виднѣлось нѣсколько таинственныхъ буквъ—*Sp. a-r* и помѣта *Городище*. Представлялось ему, съ какою недовольною миной непопулярный, отставшій отъ научного движения, въполномъ смыслѣ отставной авторитетъ приметь порицаніе и укоры какого-то невѣдомаго *Spiritus asper*. Тою же смѣлостью и желаніемъ побороться съ обветшившими направлѣніями въ наукѣ и литературѣ проникнуты были многія изъ статей остальныхъ со-трудниковъ; въ работахъ рано умершаго даровитаго экономиста А. Корсака отражалось новое направлѣніе науки о народномъ хозяйствѣ, въ статьѣ К. Бестужева-Рюмина предъявлялись по-

добные же требование въ области исторіи, талантливые разборы лирики Языкова и романа Писемского обнаруживали сочувствія молодой редакціи сближенію литературы съ жизнью и вражду ко всему напыщенному, узко-национальному и самодовольному. Уваженіе къ европейской наукѣ и культурѣ сквозило всюду и, далекое отъ ложной скромности и подчиненности, сочеталось съ горячимъ желаніемъ успѣховъ русской научной дѣятельности. Такими остались павсегда взглѣды Котляревскаго; кто-то называлъ его въ некрологѣ однимъ изъ лучшихъ у насъ знатоковъ всеобщей литературы, и это все не было преувеличеніемъ. Огромная библіотека западныхъ произведеній, постоянно имъ пополнявшаяся, неутомимость въ чтеніи и свойственная однимъ лишь искреннимъ библіофиламъ радость при видѣ появившагося наконецъ по занимающему его вопросу руководящаго труда („добрая книга!“ восклицалъ онъ, сияя и любовно постукивая по корешку), стремленіе познакомиться не съ одною только научною дѣятельностью Запада, но и съ жизнью, поэзіею, типическими и бойкими свойствами языка (особенно нѣмецкаго, которымъ благодаря житию въ Дерптѣ и долгимъ путешествіямъ онъ овладѣлъ до тонкостей),—все придавало ему видъ убѣжденнаго западника. А въ то же время этотъ человѣкъ всю жизнь трудился надъ раскрытиемъ того, въ чемъ скрывается корень народности, и всюю душою любилъ родину.

Въ ту же самую пору Котляревскій выступилъ впервые на поприще педагога. Правильно и безъ перерыва эта работа длилась у него пять учебныхъ лѣтъ, 1857—1862 г.; потомъ она возобновилась случайно, краткими вспышками, и наконецъ уступила мѣсто университетскому служенію. Какъ бывшій ученикъ его, съ этого времени близко его узнавшій (до того онъ былъ товарищемъ моихъ братьевъ), я могу засвидѣтельствовать, что и въ этой сферѣ онъ выказалъ ту же рѣдкую талантливость, внесшую всюду жизнь и самодѣятельность. Въ короткое время онъ сталъ однимъ изъ извѣстнѣйшихъ учителей въ Москвѣ; и въ большихъ школахъ (Александровскомъ кадетскомъ корпусѣ), и въ частныхъ урокахъ стоило ему явиться и нагадать дѣло, и все приходило въ движение, заинтересовывалось, бросалось читать

и работать. Правда, военно-учебные заведения тогда возрождались, и въ томъ же корпусѣ, куда вступилъ Котляревскій учителемъ русской словесности, дѣйствовали уже Бестужевъ-Рюминъ, Ешевскій, Ниль Поповъ, М. Капустинъ, Корсакъ и др. Но и въ этой обстановкѣ появление энергического и оригинального во всемъ молодаго дебютанта-учителя произвело сильное впечатлѣніе. Онъ захватилъ съ собой изъ университетской аудиторіи и изъ своей студенческой каморки все то увлеченіе наукой о народности, которое согрѣло его собственную жизнь, и умѣль передать его подросткамъ, до той поры мало задумывавшимся надъ подобными вопросами. Онъ говорилъ имъ объ арійской старинѣ, о міѳологии, съ жаромъ истолковывалъ народныя пѣсни, уводилъ слушателей, казалось, далеко отъ текущей жизни,—а между тѣмъ въ нихъ пробуждалась бодрость духа, жажда развитія и интересъ къ старинѣ наравнѣ съ сочувствіемъ новому времени. Все встрепенулось и взволновалось. Когда лекторъ переходилъ къ среднему и новому periodу словесности, въ классную комнату врывался тотъ воздухъ, который уже отводилъ душу лучшей части общества; сравнительный методъ и масса интереснейшихъ отклоненій въ область иностранныхъ литературъ (не полагавшихся тогда даже въ университетѣ) расширяли кругозоръ учениковъ; въ довершеніе всего передъ ними открылась возможность обширныхъ самостоятельныхъ работъ; годовая сочиненія съ массой источниковъ, которые увлекавшійся преподаватель добывалъ отовсюду, откашивая рѣдкости, опустошая библіотеки, давали по-водѣ много прочесть, обо многомъ подумать, а тѣхъ, кто слабо зналъ иностранные языки, заставляли налечь на нихъ, чтобы въ подлинникѣ изучить все необходимое. Теплое и человѣчное отношеніе къ ученикамъ, живая рѣчъ, блестѣвшая образами и остроуміемъ, способность серьезно заинтересоваться развитіемъ отдельныхъ болѣе даровитыхъ личностей, направлять ихъ потомъ и дальше въ жизни, все это привязывало молодежь къ Котляревскому неразрывною связью, и его личность осталась для нея наиболѣе свѣтлымъ явленіемъ изо всей школьнной поры. Такимъ былъ онъ и въ обстановкѣ школы, и въ частномъ преподаваніи; молва, быстро разнесшаяся о немъ по Москвѣ, не была преувеличена; такіе

лекторы русской словесности всегда рѣдки; изъ учениковъ его и теперь найдутся люди, способные подтвердить сказанное мною. Я же, одинъ изъ нихъ, многимъ обязанъ въ пору юношескаго развитія тому, кто съ годами превратился изъ наставника моего въ друга, считаю себя счастливымъ, что могъ съ глубокою благодарностью вспомнить здѣсь о его малоизвѣстной просвѣтительной дѣятельности.

Одновременно съ педагогическими успѣхами развивались и литературныя работы Котляревскаго, не менѣе счастливо начатыя. Если слухъ о томъ, какъ необычно ведеть онъ преподаваніе русской словесности, достигъ высшихъ сферъ, призванныхъ наблюдать за учебною частью въ корпусахъ (напр. акад. Билярскаго и др.), если экзаменъ вызванныхъ въ Петербургъ учениковъ Котляревскаго прошелъ блестящимъ образомъ а „сочиненія“, испещренныя учеными ссылками, произвели эффектъ, то и въ журнальныхъ кругахъ обѣихъ столицъ извѣстность недавняго дебютанта быстро возрастила. Новичекъ, почти вовсе не выступавший еще подъ собственнымъ именемъ въ печати, и любившій выдвигать свою крѣпкую связь съ университетомъ въ привычной подписи „Эк. с—ть“ (экскъ—студентъ), все смѣлѣе упрочивалъ себѣ самостоятельное мѣсто въ литературѣ. Въ Московскихъ Вѣдомостяхъ онъ былъ уже постояннымъ сотрудникомъ, и въ 1862 году могъ уже взять на себя веденіе важной части критическаго отдѣла,—обзора всего, что за годъ передъ тѣмъ вышло на Руси, въ формѣ ли книгъ, статей или сборниковъ различныхъ материаловъ, по любимому его вопросу. Это именно тѣ въ свое время очень замѣченныя обзоры, которые были имъ собраны въ отдѣльную книжку, оттиснутую въ 99 экземплярахъ (въ числѣ капризовъ его, какъ записнаго библіомана, была слабость къ подобнымъ миниатюрнымъ изданіямъ; дошло до того, что одну изъ моихъ книгъ, печатавшуюся подъ его наблюденіемъ въ Прагѣ, онъ сверхъ выпуска для публики напечаталъ еще in 4° всего въ двухъ экз.) и озаглавленную „Старина за 1861 годъ.“ Слегка иронизируя надъ доходившими очевидно до него слухами о недовольствѣ, которое возбуждаетъ онъ среди старшаго ученаго поколѣнія, обиженнаго возраженіями и замѣчаніями „какихъ то не-

давнихъ школьніковъ“, онъ увѣренно и съ большимъ знаніемъ дѣла производить генеральный смотръ всему наличному составу дѣятелей и трудовъ, безпредвзятно отдѣляя слабыя стороны отъ достоинствъ у писателей противоположной ему школы (напр. г. Безсонова), остроумно разграничивая два направленія въ изученіи старины, „патріотическое или славянофильское“ и „сравнительно—историческое“, допытываясь точнаго метода въ изслѣдованіи словесности и мимоходомъ уже намѣчая себѣ предметъ ближайшихъ своихъ работъ; такъ, здѣсь мы находимъ въ зародыши планъ его будущей книги о погребальныхъ обычаяхъ, при помощи которыхъ ему хотѣлось бы возсоздать возврѣнія и культуру предковъ. Даже позднѣйшій читатель, коснувшись этого любопытнаго сборника критическихъ обзоровъ, навѣрно признаетъ, что передъ рецензентомъ такой силы и независимости открывалась почетная будущность.

Но и въ петербургскихъ интеллигентныхъ кружкахъ уже знали о Котляревскомъ, и въ особенности въ томъ, который былъ для него всего ближе, такъ какъ связывалъ его съ родиной. То былъ именно украинскій кружокъ, сгруппировавшійся вокругъ Основы. Несмотря на глубокія симпатіи, сроднившія Котляревскаго съ Москвою и московскими друзьями, и на всѣ признаки, предѣльщавшіе, что дѣятельность его разовьется именно въ великорусской средѣ, въ немъ никогда не замирала искренняя любовь къ Украинѣ; и, быть можетъ, она именно придавала ему въ разнохарактерномъ, но почти одноплеменномъ кругу друзей особенную типичность. Спошеній съ родиною у него спачала было немного; но рѣдкія письма съ нея, и въ особенности свиданія съ умною и какъ то величаво высматривавшею матерью, которую онъ необыкновенно уважалъ, всегда поднимали въ немъ живыя воспоминанія о юности, проведенной па югѣ, о другой природѣ и другихъ людяхъ. Пѣсни и сказки малорусскія онъ зналъ превосходно. Въ иные минуты, когда особенно развертывалась на распашку его натура, онъ казался удалымъ и беспечальнымъ запорожцемъ. Ужъ если припадавшій на ногу и угловатый, неподражаемо гротескный и столь же неотразимо привлекательный Бодянскій могъ скрываться подъ миѳической ли-

чиной козака Иська Матерынки, надѣюсь, запорожскій нарядъ болѣе присталь бы къ его вѣрному ученику... Начавшееся съ середины пятидесятыхъ годовъ усиленіе занятій украинскою народной стариною живо интересовало его. *Записки о южной Руси* были имъ встрѣчены сочувственно, хотя сразу онъ почуялъ недостаточно научное отношеніе къ собиранию и изданію памятниковъ народности. Каково же должно было быть его удовольствіе при видѣ осуществленія въ Петербургѣ завѣтной мечты его земляковъ, основанія специальнаго малорусскаго журнала! Наряду съ лучшими силами его родины и онъ привлеченъ былъ къ участію въ *Основѣ*, и онъ появился на тѣхъ оживленныхъ, многолюдныхъ редакціонныхъ вечерахъ, гдѣ столько бывало интересныхъ и даровитыхъ людей, столько оригинальныхъ рѣчей и преній, памятныхъ до сихъ поръ и тѣмъ, кому приходилось быть только сочувствующими зрителями. Задумавъ нѣсколько статей для новаго органа, А. А. помѣстилъ въ немъ для начала полемическую статью „О томъ, были ли малоруссы исконными обитателями Полянской земли или пришли изъ-за Карпатъ въ XIV вѣкѣ“, какъ утверждалъ тогда Погодинъ, опираясь на филологическія разысканія Лавровскаго.

Такимъ образомъ передъ Котляревскимъ открывалась разнообразная и увлекавшая его дѣятельность; педагогъ и публицистъ, археологъ и широкій знатокъ народности, историкъ литературы и независимый, вѣрный партії стоящей критикъ, онъ могъ считать жизнь свою удивительною; и дѣйствительно, она никогда не была потомъ у него такою полною, возбуждающею всѣ силы. Женитьба еще болѣе скрасила ее.

Въ эту-то пору, въ раздвѣтѣ медового мѣсяца и литературныхъ успѣховъ, внезапно разразилась буря, и все разстроила и переломила. Въ нашей будничной жизни бываетъ иногда такой чисто трагическій переломъ.

Въ лѣтописяхъ выдающихся процессовъ всегда отводится видное мѣсто такъ называемымъ судебнѣмъ ошибкамъ. Читать подробное изложеніе ихъ гдѣ нибудь въ *Gazette des tribunaux* бываетъ очень занято; каково было лицамъ прикованнымъ переживать ихъ!... Котляревскій былъ поставленъ судьбою имен-

но въ такое положеніе. Бѣда обрушилась на него совершенно неожидано. Внослѣдствіи среди болѣе серьозныхъ тревогъ, на его „прегрѣшеніе“ врядъ ли обратили бы особое вниманіе. Занимавшій второстепенное мѣсто въ лондонской эмиграції, очень подвижный и падкій на приключенія, Кельсіевъ удачно пробрался тогда съ турецкимъ паспортомъ въ Москву. Живо интересовавшійся народнымъ бытомъ и въ особенности расколомъ, (по которому издалъ нѣсколько книгъ въ Англіи), онъ искалъ возможности ближе изучить ихъ и вращался въ разныхъ слояхъ московскаго населенія; бываль онъ, разумѣется, и въ литературныхъ кружкахъ. Разъ или два встрѣтился онъ за обѣдомъ съ Котляревскимъ; чутъ ли ихъ не познакомилъ издатель *Библиограф. записокъ* Касаткинъ. Разговорились они, и, должно быть, оригинальная бесѣда и мѣткія сужденія молодаго ученаго произвели извѣстное впечатлѣніе на Кельсіева; возвратившись въ Лондонъ, онъ по крайней мѣрѣ счелъ умѣстнымъ въ письмѣ къ третьему лицу послать поклонъ Котляревскому, Аѳанасьеву и еще кому то изъ столу же случайно встрѣченыхъ имъ людей, что вовсе и не означало знакомства или близости. На Котляревскаго же встрѣча съ нимъ подействовала совершенно мимолетно; всегда че прочь потолковать съ интереснымъ человѣкомъ, онъ видѣлъ въ приѣздѣ Кельсіева скорѣе затѣливую новинку, курьозъ. Не разъ выражался онъ потомъ именно въ этомъ смыслѣ. Онъ слишкомъ хорошо умѣлъ разгадывать людей, распознавать ихъ слабыя стороны и не щадить ихъ въ своихъ отзывахъ, чтобы довольно поверхностная натура Кельсіева могла ему сколько нибудь импонировать. Ихъ встрѣча была одною изъ безчисленныхъ житейскихъ случайностей, которая скоро забываются. Богъ вѣсть какъ всему этому придано было другое значеніе. Неосторожные поклоны Кельсіева заставили предположить тѣсную близость; другія подозрѣнія, а, можетъ быть, и извѣты помогли стущить краски, и А. А. былъ заключенъ въ крѣпость, до разслѣдованія дѣла и допроса.

Когда послѣ полугодового ожиданія состоялся наконецъ допросъ, безъ труда обнаружена была вся безсодержательность обвиненія и понята была сдѣланная ошибка. Оставалось только

выпустить узника на свободу. Это и сдѣлали; по словамъ Котляревского, встрѣтившаго въ теченіи этого тяжелаго времени участіе и симпатіи со стороны нѣкоторыхъ изъ лицъ надзора, ему выразили при разставаніи сожалѣніе о случившемся, обѣщали выдать (а, можетъ быть, и выдали) удостовѣреніе въ томъ, что съ него снята напраслина и что дѣятельность его ни въ чемъ не будетъ стѣснена.

Но въ прежнюю среду возвратился какъ будто другой человѣкъ. Въ болѣзпенномъ существѣ съ осунувшимися чертами лица, принявшаго зловѣщій блѣдо-зеленоватый отливъ, потускнѣвшими глазами, хриплымъ кашлемъ, ввалившимся грудью, напрасно стали бы искать сходства съ прежнею горячкою, искрометною натурою. Первы расшатались, а грудная болѣзнь, подъ конецъ сведшая А. А. въ могилу, рѣзко обозначалась. Впереди, однако, было еще много мелкихъ испытаній, въ которыхъ то и дѣло отзывалась только что пережитая тревога. Когда, прия въ себя, онъ попытался приняться за прежнія занятія, успокоительныя петербургскія увѣренія не оправдывались. Преподаваніе въ казенныхъ заведеніяхъ оказалось немыслимымъ; въ частныя школы, женскіе пансионы ему удавалось проникать словно украдкой, и то не надолго. Только что устроится онъ гдѣ нибудь и поотдохнетъ душою, какъ содержательница школы, конфузясь и краснѣя, просить его прекратить уроки, потому что она не знала и т. д. Снова приходилось приниматься за поиски уроковъ гдѣ нибудь въ иномъ, болѣе снисходительномъ заведеніи. Какъ будто чья то рука не въ мѣру усердствовала и не давала человѣку оправиться и обезпечить себѣ заработокъ. Формального запрещенія учить, очевидно, не существовало, потому что все таки нашлась школа, гдѣ, не взирая ни на что, Котляревскаго удержали, и самъ онъ мало по малу пересталъ сознавать надъ собою близость Дамоклова меча. Оставалась, конечно, ученая дѣятельность, и онъ сосредоточилъ всѣ силы на ней, хотя въ новой, семейной обстановкѣ встрѣчалъ людей, осуждавшихъ безплодное корыѣніе надъ книгами. Но и эта дѣятельность не могла не принять особаго направленія. Очевидно подъ вліяніемъ перенесенной невзгоды вся та сторона его писательства, которая сближала его съ текущею

жизнью и ея запросами и открывала передъ нимъ широкіе горизонты, отпала; безопаснѣе было углубиться въ изученіе далѣкой старины, всегда его привлекавшей, и сдѣлать изъ такихъ занятій вполнѣ нейтральную область. По взглядамъ онъ остался навсегда такимъ, какимъ былъ до того, но многое затаилъ про себя и на первый взглядъ казался вскорѣ лишь сосредоточеннымъ специалистомъ-археологомъ. Тѣ науки, которымъ онъ отнынѣ посвятилъ свои силы,—доисторическая археология, исторія древняго права, славянскія древности, чрезвычайно много выиграли, пріобрѣтая ученую силу первой величины, но кругъ литературно-общественныхъ дѣятелей, способныхъ сочетать воздѣлываніе науки съ служеніемъ новой жизни, понесъ чувствительную утрату. Когда друзья Котляревскаго высказывались передъ нимъ внослѣдствіи въ этомъ смыслѣ, замѣтно было, что это—его большое мѣсто, котораго не слѣдуетъ касаться.

Опять основавшись въ Москвѣ, онъ затратилъ не мало энергіи на оживленіе ученой дѣятельности въ ней. Сблизившись съ мѣстными знатоками старины и заручившись поддержкой гр. Уварова, онъ вель усиленную агитацию въ пользу основанія московскаго археологическаго общества, былъ однимъ изъ его учредителей, участвовалъ въ предварительныхъ съѣздахъ и совѣщаніяхъ, нашелъ деньги для изданія, кромѣ *Трудовъ* общества, ежемѣсячнаго „Археологическаго Вѣстника“, который выходилъ подъ его редакціею. Почти съ такимъ же рвениемъ отнесся онъ и къ другому, старѣшему изъ московскихъ обществъ, тогда возрождавшемуся послѣ долгой летаргіи, „Обществу любителей россійской словесности“, понимая, какъ много пользы можетъ прінести оно для разработки языка и литературы, для развитія вкусовъ и взглядовъ публики, привыкшей стекаться массами на его открытые засѣданія. Но въ числѣ „любителей“ было тогда еще немало одряхлѣвшихъ обломковъ „временъ очаковскихъ“, уцѣлѣвшихъ отъ дoreформенного періода; кромѣ того послѣ возрожденія общества въ немъ одно время подбирались сторонники славянофильства, внесшіе въ него духъ партіи и нетерпимость. Котляревскому пришлось испытать это на себѣ. Не зная даже путемъ, какіе за нимъ есть грѣхи, иные изъ москвичей вообще

подозрительно смотрѣли на него; невоздержность его въ сужденіяхъ, разносимыхъ сплетнею, и печатно высказанное и раньше порицаніе узкому национализму вызвали въ извѣстныхъ слояхъ глухую вражду. Она обрушивалась на него наравнѣ съ его даровитѣйшимъ другомъ Асанасьевымъ, который также пострадалъ за нелѣпую кельсіевскую исторію. Не выбирать въ члены такихъ людей нельзя было, наряду съ стариками уже образовывалась группа молодежи, вліявшей иногда на выборы. Но постоянное присутствіе ихъ и оживленная дѣятельность въ обществѣ раздражала хранителей добрыхъ преданій.

Котляревскій слишкомъ очевидно для всѣхъ ратовалъ за разнообразіе и научную серьезность работъ общества, содѣйствовалъ изданію имъ „Толковаго словаря“ Даля и привѣтствовалъ его окончаніе, участвовалъ въ публичныхъ чтеніяхъ и въ журналѣ общества, составлялъ содержательные годовые отчеты, полные проектовъ важныхъ работъ. Такого неутомимаго труженика нельзѧ было не выбрать въ секретари,—и, несмотря на оппозицію правой стороны, Котляревскій былъ выбранъ. Каждый подобный фактъ, какъ бы мелокъ онъ ни былъ, приближалъ его къ полной реабилитациі. Но и тутъ не обошлось безъ обиды; видно было, что искупленіе все еще считалось незаконченнымъ.

Это было въ предсѣдательство Погодина. Одинъ изъ его присныхъ, бывшій масонъ, а потомъ извѣстный сельско-хозяйственный дѣятель С. А. Масловъ, по непонятнымъ литературнымъ заслугамъ попавшій въ общество словесности, не затруднился во всеуслышаніе предложить на засѣданіи кассировать выборъ Котляревскаго, какъ человѣка „неугоднаго“. Если эта выходка и была подстроена, какъ догадывался А. А., она потерпѣла полнѣйшее пораженіе. Но мѣрѣ того, какъ Масловъ развивалъ мотивы своего предложения, одинъ за другимъ члены вставали и выходили изъ залы; ораторъ, замѣтивъ это, сталъ конфузиться, запинаться, наконецъ замолкъ, изъ боязни фактически воніять въ пустынѣ. Поспѣшно бросились въ прихожую и упрашивали уходившихъ вернуться и продолжать засѣданіе, такъ какъ Масловъ говорить больше не станетъ... Нужно было

видѣть Котляревскаго подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ этой обиды и слышать, какъ онъ безподобно разсказывалъ въ лицахъ всю сцену, чтобы понять, какъ подняла она въ немъ оскорбленное достоинство.

Тѣмъ сильнѣе, быть можетъ, повлекло его къ одинокимъ занятіямъ, въ глубь старины; тутъ ждалъ его рядъ успѣховъ. Появились его „Погребальные обычаи“, укрѣпили его ученый авторитетъ и открыли передъ нимъ возможность университетской дѣятельности. И влеченіе къ родинѣ, и предпочтеніе болѣе теплого климата, понятное у человѣка неотвѣзно мучимаго болѣзнико груди, внушали ему желаніе добѣсть себѣ каѳедру въ Кіевѣ. Но и вакантнаго мѣста, кажется, не было,—и сразу такое возстановленіе правъ гражданства сочтено было неудобнымъ. Каѳедра въ Дерптѣ являлась поестественному промежуточной стадію. Котляревскій порадовался и ей, какъ началу чего-то лучшаго, но необходимость оторваться отъ близкаго ему дѣла, отъ друзей, и очутиться одинокимъ на чужой сторонѣ, среди людей, впередъ расположенныхъ къ нему недружелюбно, въ иныхъ болѣе грустныхъ минуты казалась ему ссылкой. Отсутствіе мелкихъ національныхъ счетовъ въ его характерѣ помогло ему сначала и тамъ установить приличныя отношенія, тѣмъ болѣе что въ числѣ дерптскихъ своихъ коллегъ онъ нашелъ нѣсколькихъ настоящихъ, европейскихъ ученыхъ, общеніе съ которыми было для него особенно пріятно. Но, если эти отношенія испортились въ конецъ, вина была не его; съ одной стороны его сильно стала раздражать мелочность и кляузность крохотнаго уѣздно-университетскаго мірка, съ другой онъ коренимъ образомъ расходился съ сослуживцами во взглядѣ на крупнѣйший политический фактъ того времени, франко-prusскую войну. Его сочувствія были всѣ на сторонѣ Франціи, а кругомъ широкими волнами поднималось германофильство. „Съ нѣмцами по поводу войны, писалъ онъ мнѣ, я разошелся въ чистую: они вообразили, что прусскія побѣды сдѣлали ихъ (т. е. моихъ нѣмцевъ) геніально умными, я же разматриваю ихъ яко обычновенныхъ смертныхъ, и сверхъ того лишень

ныхъ, и сверхъ того лишенъ благодати восхищаться пруссаками и ихъ *чуманностью*. Обозлились на меня страшно⁴. Къ началу слѣдующаго года положеніе его во всѣхъ отношеніяхъ ухудшилось и стало невыносимымъ. Отрывокъ изъ другаго письма 1872 г. расскажетъ это лучше всякихъ поясненій: „Не отвѣчай мгновенно потому, что болѣль—и болѣль скверно: опять старая исторія съ кровохарканіемъ, исторія, сведшая друга моего Аѳанаасьева въ могилу! Не стану распространяться объ этомъ: жизнь моя здѣсь исполнена такого убийственно-грустнаго мрака, что выносить ее передъ друзей—не пригоже. Будемъ же бесѣдовать весело, насколько это возможно. Все далѣе и далѣе отхожу отъ моихъ нѣмцевъ; но разстаюсь съ идеальнымъ воззрѣніемъ на нихъ безъ малѣйшаго сожалѣнія. Не могу, по совѣсти, сказать, чтобы они были—дурные люди, вѣтъ,—но и хорошаго въ нихъ мало; такая все сѣрая будничность, посредственность, мелкота, такое отсутствіе всякаго высокаго элемента, всякаго рыцарскаго благородства, что послѣдній изъ нашихъ братій кажется гигантомъ передъ ними. На днахъ разошелся съ лучшимъ и чистѣйшимъ изъ нихъ, Лео Мейеромъ а—почему? потому что при выборѣ въ деканы факультета подаль голосъ не за него, а за другого. Не подумайте, что здѣсь дѣло идетъ о честолюбіи, вѣтъ,—о деньгахъ, о прибавочномъ деканскомъ содержаніи! Вотъ камень, о который претыкается всякая *немецкая дружба*! Какъ ни глупы славянофильскія яренія противъ нѣмцевъ, а здѣсь они становятся мнѣ понятны. Золь, батюшка мой А. Н., дѣлаюсь я! Конечно, въ такой средѣ не можетъ спориться работа—и я прозябаю, и притоки жизни подымаютъ меня на ноги только тогда, когда приходитъ хотя какая нибудь вѣсточка съ *того света* (т. е. съ вашего)“.

Когда передъ отѣздомъ въ Дерптъ А. А. собралъ у себя въ послѣдній разъ пріятелей, и мы вышли провожать его, на его нервно возбужденномъ лицѣ мелькали, смѣяя другъ друга, выраженія грусти, смѣха, пытающагося разогнать ее, и какой то фаталистической рѣшимости. Съ напускной удалью закинулъ онъ назадъ голову, посматривая на прохожихъ, въ то время какъ экипажъ выѣзжалъ изъ воротъ на улицу; съ такимъ видомъ

10193

въ старые годы уходилъ изъ дома рекрутъ, стараясь бодростью разсѣять жуткое ожиданіе долгой неволи.

А потомъ,—потомъ все измѣнилось къ лучшему; существенно поправилась материальная сторона жизни, обеспечивъ полный достатокъ, сдѣлались возможными долгія заграничныя путешествія, осуществилась киевская профессура; не измѣнилась только болѣзнь. „Буду здоровъ—въ слѣдующемъ семестрѣ прочту исторію романской литературы до XVI в., писать онъ. Говорю *буду здоровъ* и смѣшно звучитъ мнѣ сей глаголь. Когда же я здоровъ буду? Развѣ—когда успокоюсь!“...

Но пора остановиться и предоставить слово тѣмъ, кто лучше и ближе зналъ Котляревскаго во время его дерптскаго и киевскаго житья.

Но я не могъ не коснуться и этого поздняго періода, прошедшаго не на моихъ глазахъ; съ одной стороны о немъ напомнили приведенный выдержки изъ писемъ,—самъ Котляревскій далъ въ нихъ какъ бы свое показаніе о томъ, какъ ему жилось тогда;—съ другой хотѣлось восстановить всю связь, которая соединяла блестящаго юношу-писателя съ захирѣвшимъ страдальцемъ, какимъ онъ сошелъ въ могилу. Одно изъ послѣднихъ его писемъ ко мнѣ (1879) показываетъ, какъ дорога для него была всегда возможность переноситься въ то давнопрошедшее время. „Цѣлыхъ дѣвѣ недѣли болѣлъ, и болѣлъ нешуточно; дни два тому назадъ поднялся на ноги, все въ организмѣ еще дрожитъ, колеблется, мозгъ неистовствуетъ, языкъ ругается... Въ такую пору только воспоминанія старого времени, старыхъ добрыхъ друзей низводятъ миръ на душу, и „звѣрей“ возвращаютъ къ человѣку. Въ такую минуту пишу, къ вамъ дорогой мой, потому что едва ли я найду между *своими* другаго, въ отношеніяхъ съ которыми у меня все было бы такъ чисто и ясно, какъ въ отношеніяхъ съ вами“.

Послѣ этихъ сердечныхъ словъ читатель простить, быть можетъ, нѣкоторое излишество подробностей въ настоящихъ воспоминаніяхъ, и пойметъ, какую отраду доставляла писавшему ихъ возможность вспоминать изъ прошлаго образъ друга.

Алекsey Веселовский.

Разрешено центрую. Кевъ, 11 сентября 1888 года.

Генералъ Г. Т. Корчакъ-Новинскаго. Михайловская ул., домъ № 4